

УДК 316.3/4

© А. Ю. Завалишин, 2009

СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Завалишин А. Ю. – канд. ист. наук, доц. кафедры «Социально-гуманитарные науки», тел.: (4212) 22-49-16, e-mail: native59@rambler.ru (ХГАЭП)

В статье обосновывается необходимость концептуализации категории "социально-территориальная общность" (СТО) с позиций социологии региона, основанных на синтезе объективного и субъективного подходов. Приводится социологическое обоснование континуальности СТО и территории ее дислоцирования. Дается авторское определение сущности СТО как пространства социального действия.

The article substantiates the necessity of conceptualization of "a social-territorial community" (STC) category from the point of view of the regional sociology based on synthesis of objective and subjective approaches. The sociological substantiation of continuity of STC and territory of its location is suggested. The authors give their own definition of the STC essence as area of social action.

Ключевые слова: социально-территориальная общность, пространство, территория, социальное действие, территориальное поведение.

В отечественной, да и мировой социологии, как известно, отсутствует единое понимание сущности категории "социально-территориальная общность" (СТО). Ранее мы высказывались по этому поводу [1], солидаризируясь с мнением А. М. Сергиенко и А. Я. Троцковского, что СТО – это "относительно самостоятельная ячейка территориальной структуры общества, включающая, во-первых, соответствующую группу населения, во-вторых, используемую этой группой часть жизненного пространства с ее природными ресурсами, производственными предприятиями, жилым фондом, социально-бытовой инфраструктурой" [2]. Вместе с тем, данное определение можно считать релевантным лишь в первом приближении, поскольку оно демонстрирует крайнюю форму редукции социальных феноменов к физическим (= группа населения, жизненное пространство и т.д.). Такой субстанциалистский подход, восходящий к марксистской социологии, не позволяет, на наш взгляд, валидно рассматривать фреймы социального действия в территориальной экспликации.

Более продуктивным и, главное, не противоречащим фундаментальным постулатам веберовской и парсоновской социологии является рассмотрение СТО не как (или *не только* как) интеграцию индивидов и территории их дислокации (поскольку общность как *система социальных взаимодействий* в строгом социологическом смысле не имеет материального воплощения и нерелевантна физическому пространству [3]), а как *пространство социального действия* в том смысле, который вкладывает в него П. Сорокин [4]. Но здесь возникает проблема поиска валидных пространственных координат, позволяющих рассматривать данную общность в территориальной экспликации. Релевантное решение данной проблемы предлагает современный американский исследователь Б. Верлен в рамках концепции, альтернативной социальной географии [5].

По мнению ученого, исходным пунктом анализа в данном случае могут послужить некоторые фундаментальные идеи, высказанные в свое время В. Парето, М. Вебером, Т. Парсонсом и др. Так, В. Парето в ряде своих трудов отмечает (хотя и имплицитно) важность пространственной дифференциации физического мира в ситуации действия [6]. Разделяя социальное действие на два типа (логическое и нелогическое), с первым он соотносит объективные условия ситуации (= объективно правильные значения, которыми актор наделяет элементы окружающего его физического мира), со вторым – "остатки" (residues), являющие сублимацией его эмоциональной сферы. Один из классов таких остатков ученый называет "постоянством отношений людей к местам (places)" [6]. Они возникают, по его мнению, из эмоционального отношения к семье и поселенческой общине (community).

Следуя логике В. Парето, все действия, основанные на эмоциональном отношении к топониму (любовь к родине, верность "отеческим гробам", защита родной земли и т.п.) – все это сумма *нелогических*, а потому – нерациональных действий. При этом нередко возникает и обратная связь: паттерны социального действия, систематически воспроизводящиеся в долговременной констелляции материальных объектов и артефактов, инвестируются акторами качественно дифференцированным символизмом. Это позволяет сделать предположение (важное для дальнейшей концептуализации СТО): "насколько физический мир символически структурирован социальным миром, настолько этот символически "заряженный" физический мир структурирует социальные действия" [5].

Что касается М. Вебера, то одна из центральных категорий его парадигмы понимания – *социальное действие* – трактуется ученым, в частности, как тип человеческой активности, который "связан субъективно рациональным путем с внешним миром" (как природно-физическим, так и социальным миром других акторов) [7]. При этом внешний мир, который "не имеет значения сам по себе" (это вещи и процессы в природе), приобретает релевантность для социологии в его роли "условия" и/или "результата", по отношению к которым ориентировано целерациональное действие [7]. Б. Верлен отмечает в связи с этим, что М. Вебер "видит задачу социальных наук в "понятном объ-

яснении" (explaining clearly) того, какой вид рационального действия успешно или неуспешно проникает (intervenes) в сам по себе не имеющий значения физический мир, и какие последствия имеет это действие для последующих действий других: как их причина, способствующее им или сдерживающее их [обстоятельство]" [5].

М. Вебер анализирует связь социального действия с миром материальных артефактов и производит различие между (социально) значимыми неодушевленными объектами и теми, которые не имеют "заданного значения". Он подчеркивает, что артефакт "можно понять только в терминах значения, которое имело или было предназначено иметь его производство и использование; значение, которое может происходить из отношения к чрезвычайно разным целям. Без отнесения к этому значению такой объект остается полностью неинтеллектуальным" (недоступным для рационального осмысления) [8]. Это значение становится элементом системы социального действия актора, подобно тому, как это имеет место с социальными институтами.

М. Вебер использует данный подход в анализе процесса рационализации и разделения труда, характерного для Западного общества. Он приходит к выводу, что по мере их развития и углубления артефакты все реже производятся непосредственными пользователями, вследствие чего их значения все больше определяются конструкциями, произведенными другими и для других целей. В результате происходит "специализация и материализация социальных отношений", "законсервированных" в объективированных значениях артефактов [8]. Эту идею развивает Б. Верлен. Он отмечает особую роль *иммобильных* материальных артефактов для социологического анализа территориальных (взаимо-) действий социальных субъектов. В их значениях кроется разгадка устойчивости паттернов пространственного устройства социального мира. Релевантное исследование значений *иммобильных* артефактов, по его мнению, могло бы привести к индикации причин, продуцирующих дистинкции региональных социальных систем (= СТО) [5].

Т. Парсонс приближается к решению проблемы включения физического пространства (территории) в систему социального действия и их валидного социологического анализа в целом ряде фундаментальных трудов: "Структура социального действия" (1937), "Социальная система" (1952) и др. В данном случае для нас имеет значение различие между "условиями" и "средствами", которые Т. Парсонс рассматривает применительно к конкретной ситуации действия. По его мнению, первые относятся к тем элементам ситуации, над которыми актор не имеет контроля, ко вторым – те элементы, которые он в состоянии проконтролировать [9].

Далее, он утверждает, что актор, конструируя систему действия в физическом пространстве, применяет два разных критерия ориентации: классификационный и относительный. Первый предполагает разделение всех объектов физического мира на отдельные классы и группировку тех из них, которые имеют специфическое значение для актора. Таким образом, достигается первое структурирование ситуации действия. В соответствии с относительными

критериями актер формирует значимое *отношение* объекта к его егo и к другим значимым объектам, а посредством этого – к цели действия (например, если "пол" – это классификационный критерий, то "мать" – относительный). Здесь важно то, что относительный критерий ориентации делает релевантным пространственное измерение социального мира, поскольку продуцируется из "территориальной точки зрения" тела актора [10].

Актер, поясняет Б. Верлен, всегда выстраивает отношения с другими объектами и их физическими позициями, исходя из данной телесной позиции. Если соотносить его позицию в социальном мире со значащим отношением к материальным объектам, мы обнаружим новый смысл различия между "условиями" и "средствами": первые – это те материальные элементы ситуации действия, которые не находятся в распоряжении актора в социальной сфере, вторые – те, которыми он располагает [5]. По Т. Парсонсу, социальные отношения между субъектами непосредственно связаны с их территориальным дислоцированием, поскольку тела акторов и их индивидуальности, хотя аналитически разделены, всегда формируют одну единицу в конкретной ситуации действия. Это означает, что "территориальная локализация неотъемлемо входит во все действия" [10], а также, что физический (= территориальный) контекст действия также может быть включен в анализ общества.

Отсюда можно сделать два важных вывода, имеющих непосредственное отношение к концептуализации СТО. Прежде всего, то, что "главные "базы оперирования" действий индивидуума должны быть ограничены территориально". Это предполагает пространственную лимитированность диапазона социальных действий, исходящую из их привязанности к локализованным материальным артефактам, также как локализацию включенных институтов. "Локализации в физическом мире, которые накладывают ограничения на действия акторов, относятся к "базам оперирования", а группа людей, которые встречаются там в одно и то же время для взаимодействия, характеризуется как [территориальная] "общность" [10].

Второй важный вывод связан, по Т. Парсонсу, с использованием принуждения к актерам и соответственно политическим структурированием сообществ посредством пространственных категорий. В данном случае можно говорить о *пространственной природе* политической власти: поскольку последняя часто поддерживается только посредством угрозы или фактического использования *физической* силы, это имплицитно подразумевает, что политическая власть зависит от контроля за *физическим* миром (как миром природы = территорией, так и материальными артефактами, включая армию, полицию, тюрьму и т. п.) [10].

Еще одна проблема, нуждающаяся в рассмотрении применительно к концептуализации СТО, связана с выявлением *континуальности* социума и территории его дислоцирования, приводящей к генезису систем территориального действия (паттернов территориального поведения), лежащих в основании формирования СТО и поселенческих общин.

Под *континуальностью* (от англ. *continual* – непрерывный или лат. *continuum* – сплошное), чаще трактуемой как "непрерывность", в данном случае мы подразумеваем *онтологическую неразрывность* общества и физического пространства (территории), данную а priori, но, как ни парадоксально, систематически игнорируемую исследователями в "аналитических интересах" [3; 11].

Это тем более любопытно, что сам Т. Парсонс, заложивший краеугольный камень такой традиции, утверждает, на первый взгляд, противореча самому себе, что "разумеется, каждое *конкретное* событие... происходит в пространстве" [11]. Однако данный парадокс связан не с аспатиальностью предмета социологии (на чем заикнулись многие последователи Т. Парсонса и других классиков и неоклассиков этой науки), а со стремлением ученых, находившихся в первой половине XX в. на пике академической полемики по поводу объекта и предмета социологии, бороться за право считать ее *наукой* об обществе, наряду с естественными науками. Известное высказывание Т. Парсонса, что "эта категория (пространство. – А. З.) иррелевантна теории действия, рассматриваемой как аналитическая система" [3], следует понимать, по мнению современного исследователя, только лишь как то, что "науки о [социальном] действии не могут быть отраслью естественных наук". И далее: "Идея, что физические тела, с которыми связаны действия или которые включены в эти действия, занимают специфическое место в физическом мире, и в то же время, что тело агента (индивидуального актора. – А. З.) действует, свидетельствует, что паттерны пространственного устройства, которые связаны с действием, всегда являются важным условием в конкретном направлении действия" [5].

Еще один аналитический парадокс, проявившийся в приведенных выше сентенциях, связан с методологической инверсией категорий "территория" и "пространство". Не вдаваясь в теоретические подробности, отметим лишь, что в значительной части работ социальной направленности (не только сугубо социологических, но и политико-экономических, социально-географических и др.) данные термины зачастую используются как синонимы, поскольку индивиды, также как группы и общности а priori действуют в географическом *пространстве* = на какой-либо *территории*. В то же время категория "пространство" в социологической экспликации – понятие более широкое и емкое, нежели "территория". Достаточно сказать, что последняя более или менее коррелирует лишь с физическим (евклидовым) пространством (будучи двумерным по сравнению с его трехмерностью) и лишь путем крайней редукции может быть соотнесена (но не уравнена концептуально!) с n-мерным социальным пространством. В данном случае мы намеренно оставляем за рамками статьи это противоречие и сконцентрируем внимание, прежде всего, на методологическом анализе континуальности и взаимовлияния физического пространства и общества, имеющем не только сугубо теоретический (например, для социологии региона, города и деревни), но и практический (административно-политический, хозяйственно-экономический) ин-

терес. Это тем более важно для нас, поскольку в отечественных социальных науках вплоть до самого последнего времени имплицитно сохранялся сугубо марксистский подход к данной проблеме. Не только в советские, но и последующие годы большинство российских исследователей, кажется, и сами не осознавая этого, пытались ее решать либо сугубо утилитарно (что особенно характерно для пространственной (территориальной) экономики и регионоведения [12; 13], либо с позиций марксистского материалистического монизма. Лишь в 2000-е гг. некоторые ученые попытались выйти за рамки такого утилитаризма и монизма [1; 14; 15], в то время как в зарубежной социологии уже сравнительно давно сложился ряд альтернативных аналитических перспектив, ориентированных на анализ социального в пространственной (территориальной) аппликации, мало знакомых российским исследователям.

Социологическая экспликация континуальности СТО и занимаемой ей территории, как утверждает, например, Б. Верлен, возможна на основании социально-психологического анализа "ментальной карты" (мы бы сказали – "территориальной рефлексии") индивидов, связанной не с их субъективным пространством, а с субъективной репрезентацией пространственного устройства материальных объектов, основанной на пространственных концепциях физического мира. Отсюда ученый формулирует теорию, согласно которой "в рамках объективной перспективы ориентации [актора] в контексте физического и социального миров будут успешными, если субъективные репрезентации совпадут с их объективным порядком" [5].

Основаниями для таких совпадений являются артефакты, *наделенные объективными значениями*, составляющими запас знаний акторов: "Перемещения в пространственном контексте интенциональны, и их интенциональность устанавливается на фоне социально сформированного и в значительной степени ассоциированного запаса знаний" [5]. Важным свойством артефактов является их двойственность: как материальные объекты они принадлежат физическому миру, как носители социокультурных значений – социальному миру, и, таким образом, "перекидывают мостик" от внутреннего мира индивида к физическому и социальному мирам. Здесь обнаруживается определенная конгруэнтность между телом актора и артефактом: первое служит материальной основой для действия, второй (в его материальной ипостаси) – предварительным условием социально значимого контекста. Но есть и важное различие – тело актора обладает относительно автономным сознанием, в котором складываются намерения и мотивация действий.

Особую важность для понимания континуальности общества и пространства имеют имобильные материальные артефакты (отдельные здания и сооружения, особенно, наделенные политико-административным или религиозным значением; социальная, транспортная и иная инфраструктура и т. д. [1; 16])). Они формируют "квази-постоянную структуру физического мира и его пространственных измерений с точки зрения социального аспекта... Паттерны социальных взаимодействий в конкретных социальных процессах пространственно структурированы в отношении имобильных социальных зна-

чений артефактов" [5]. Нечто подобное утверждает (правда, не развивая далее эту мысль) и российский географ А. А. Ткаченко. Он вводит понятие "организаторов социального пространства", понимая под ними разнообразные *социально-значимые* объекты, притягивающие к себе людей. Ученый называет три группы таких организаторов ("иммобильных артефактов"): места получения различных благ и общения населения, места приложения труда, органы власти [17]). Мы бы добавили к ним места религиозного поклонения и отправления ритуалов. Таким образом, подлинное социальное исследование, подчеркивает Б. Верлен, в *объективной перспективе* должно локализовать образцы действий в отношении валидных пространственных координат физического и социального миров; в *субъективной перспективе* – брать в расчет диспозиции значений [артефактов] в валидных координатах субъективного мира [5].

Последнее ставит перед исследователем задачу поиска релевантных фреймов *социальных* значений материальных артефактов и связанных с ними символических значений отдельных местностей (локусов) и топонимов. Основная проблема здесь состоит в поиске путей (способов, инструментов) наделения значением ("символического инвестирования", как говорит Б. Верлен [5]) предметов материального мира и отдельных местностей, которые сами по себе никакого социального значения (содержания) не имеют. Важную подсказку для решения этой проблемы дает Г. Зиммель в работе, посвященной социологическому анализу "рандеву", которое "обозначает как саму встречу, так и место встречи" [18].

По мнению этого ученого, иммобильные материальные артефакты структурируют пространство социального действия ("здесь" я живу, "там" я работаю, "в этом месте" я встретил свою любовь и т. п.) и таким образом делают его "безопасным для сознания". Локализация действия в физическом пространстве имеет для актора большее значение, чем локализация во времени, потому что первая "более жива для чувств" [18]. Поскольку в социальных взаимодействиях, "привязанных" к тому или иному артефакту (Г. Зиммель приводит примеры "города" и "церкви") участвуют многие люди, постепенно они формируют коллективное осознание "принадлежности" к этому месту и инвестируют в него символическое значение, которое с этого момента становится абстрактным. При этом, как утверждает Г. Зиммель, символический план социальной коммуникации имеет предельную (*utmost*) важность для развития "осознания принадлежности" к социальному организму или более точно – для *территориальной социальной интеграции*. Последняя наиболее заметно проявляется в наделении мест (зданий, поселений, локусов) собственными именами (топонимами), которые символизируют социокультурную индивидуальность людей, живущих там, а также в устойчивом (от поколения к поколению) воспроизведении паттернов *социального (территориального) поведения* [1; 15].

Данные фундаментальные положения социологии пространства Г. Зиммеля получили продолжение в трудах М. Холбвачса, Г. Трейнена и др. Так, в

частности, М. Холбвачс вводит понятие "коллективной памяти", которую анализирует в терминах ее временных и пространственных измерений и дифференциаций. По его мнению, коллективная память – это межличностно доступное знание о событиях и объектах в рамках конкретной группы. При этом, "каждая (индивидуальная) память – это "точка зрения" на коллективную память, которая изменяется, когда изменяется моя позиция, которая в свою очередь изменяется, когда изменяется мое отношение к другим позициям (milieus)" [19]. С пространственной точки зрения, поясняет Б. Верлен, "материальный мир с символическими значениями, воплощающимися в нем, – это сфера, в которой индивидуальный деятель входит в отношения, основанные на его позициях в социальном и физическом мирах" [5].

Поскольку социальный мир непрерывно изменяется, меняется и символическое значение его материального окружения (физического пространства, территории, артефактов), что приводит к изменению социальной группы. Это объясняет, по мнению М. Холбвачса, значение символического содержания иммобильных материальных артефактов – оно служит обеспечению безопасности и социальной ориентации индивида и группы. Исследователь приходит к заключению, что "ментальное равновесие, прежде всего, связано с тем фактом, что физические объекты, с которыми мы повседневно контактируем, незначительно или вообще не изменяются, обеспечивая нас (тем самым) образом постоянства и стабильности" [19]. По мнению М. Холбвачса, символическое содержание материального основания общества и его пространственная иммобильность, во-первых, обеспечивают континуальность в условиях непрерывных социальных изменений, во-вторых, являются специфическим передающим механизмом коллективной памяти от одного поколения другому, обеспечивая, таким образом, социокультурную целостность и пространственно-временную устойчивость СТО.

Г. Трейнен, основываясь на теориях Г. Зиммеля и М. Холбвачса, сформулировал идею о том, что символическая "связанность с местом – это не специальный феномен, посредством которого человек приближается к терминам его физического окружения. Это довольно специфическая форма более общей проблемы – символизации человеческих отношений" [20]. Действующие субъекты связывают свои личные опыты с физической локальностью и объектами и артефактами, помещенными там. Отсюда Г. Трейнен делает вывод, что символическое отношение с местом формируется, "когда место становится связующим элементом в социальных действиях членов локальной социальной структуры", и что отношение к месту манифестируется посредством идентификации с топонимом, который репрезентирует символ для этой категории (места) [20].

Соответственно Г. Трейнен фокусирует свои исследования на эмпирической регистрации различных значений топонимов и реконструкции процесса, который ведет к этой специфической форме символизации. Он обнаружил ряд факторов, являющихся решающими в данном процессе. Так, если социальные действия часто повторяются в сходной физической ситуации или в

сходном ситуационном контексте, элементы того или другого могут стать так тесно связанными с действием, что один из них становится символом действия. Роль такого символа часто играет название (топоним) материального аспекта ситуации действия. Далее, обнаружилась зависимость специфической формы значения символа от интенсивности и частоты воспроизведения действия. При этом, как отмечает Г. Трейнен, "если природа отношений между их участниками изменяется, возможно, что символы остаются связанными [с данными отношениями], но с измененным значением" [20]. Наконец, специфическое значение, которое отдельный символ имеет для акторов, а также идеи и эмоции, которые они связывают с ним, зависят от того, как они взаимодействуют в ситуации, которую репрезентирует символ. Более того, безотносительно формы символа, согласно теории Г. Трейнена, он остается элементом в "валидных рамках ориентации действия" [5]. Символ места (или артефакта) репрезентирует характеристики социальных отношений между актором и другими участниками в сходной ситуации действия. Значение символа соответственно становится выражением пути, которым идентичность актора связывается с ситуацией, в которой он использует символ и его значение для ориентации, для тех действий, которые связаны с символически опосредованной ситуацией.

Сказанное выше позволяет перейти к концептуализации категории "социально-территориальная общность" с использованием базовых положений методологического холизма (В. Парето, Т. Парсонс, М. Холбвачс) и методологического индивидуализма (М. Вебер, А. Шюц, Б. Верлен). Важнейшие положения, составившие основу нашей концепции, следующие: 1) СТО как тип социальной общности – это не объект материального мира, а сегмент социального пространства, специфический социальный субъект, объективированный в паттернах социальных (взаимо-) действий, специфицированных на данной территории и в определенном смысле детерминированных ею; 2) территория с размещенными на ней материальными артефактами включаются в систему территориального поведения (действия) не сама по себе, а в качестве социального значения, которым наделяют ее акторы в процессе производства, использования или символического (ментального) соотнесения с систематически воспроизводимыми в их окружении действиями; 3) центром пересечения материального (территория) и ментального (социального) миров, специфической "точкой отсчета" выступает тело актора, которое обеспечивает практическую реализацию действий, их материальное воплощение; 4) пространственная лимитированность тела (тел) опосредует пространственную лимитированность производимых этим телом действий, следствием чего является локализация систем действий на определенной, сравнительно небольшой территории, где и формируется СТО; 5) политическая власть, территориальная по природе, стремится контролировать физическое пространство и за счет этого перманентно расширяет сферу своего влияния.

Отсюда можно вывести следующее определение: *социально-территориальная общность* – это *пространство социального действия* или бо-

лее предметно – локализованный на определенной территории сегмент социального пространства, опредмеченный в телах проживающих на данной территории акторов и скрепленный политической властью соответствующего уровня, который интегрирует системы социальных действий, инвестированных символическими значениями данной территории и размещенных на ней (иммобильных) материальных артефактов.

Библиографические ссылки

1. *Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю.* Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006.
2. *Сергиенко А. М., Троцкий А. Я.* Социально-территориальная структура региона: диагностика и регулирование развития. Барнаул, 1996.
3. *Parsons T.* The Structure of Social Action. N.Y., 1937.
4. *Sorokin P. A.* Sociocultural Causality, Space, Time. N.Y.: Russel & Rousel, 1964.
5. *Werlen B.* Society, Action and Space: An Alternative Human Geography. L.; N.Y., Routledge, 1993.
6. *Pareto V.* Compendium of General Sociology. Minneapolis: Univ. of Minnesota, 1980.
7. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1951.
8. *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. N.Y., 1968.
9. *Schutz A., Parsons T.* The Theory of Social Action: The Correspondence of Alfred Schutz and Talcott Parsons. Bloomington; L., 1978.
10. *Parsons T.* The Social System. L., 1952.
11. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000.
12. *Пространственные трансформации в российской экономике /* Общ. ред. П. А. Минакира. М., 2002.
13. *Гладкий Ю. Н.* Регионоведение: Учебник. М., 2000.
14. *Филиппов А. Ф.* Теоретические основания социологии пространства. М., 2003.
15. *Завалишин А. Ю.* Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ). М., 2008.
16. *Щепаньская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп / Ред.-сост. Т. А. Бернштам. СПб., 1995.
17. *Ткаченко А. А.* Территориальная общность людей: социально-географическая концепция. М., 1995.
18. *Simmel G.* Soziologie des Raumes // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1903. V. I. № 1.
19. *Halbwachs M.* The Collective Memory. N.Y., 1980.
20. *Treinen H.* Symbolische Ortsbezogenheit / H. Treinen // Materialien zur Siedlungssoziologie / Eds P. Atteslander, B. Hamm. Köln; Berlin., 1974.